

Общие проблемы
политической концептологии

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СУЩНОСТЬ НАТУРФИЛОСОФИИ

О.М. Штомпель
Южный федеральный университет

Аннотация: *Рассмотренная с социокультурных позиций, натурфилософия предстаёт как феномен, возникающий в результате «раскола» единого поля культуры. Если в теоретических конструкциях мыслителей эпохи Ренессанса были сплавлены воедино гуманистические, эстетические и естественнонаучные подходы к изучению действительности, то XVIII век, век становления физико-математических дисциплин, положил конец антропоморфному изучению природы. Мир точной науки отгородил себя от гуманитарной сферы знания. В результате натурфилософия выступает как особое гибридное духовное образование, стремящееся «залатать» разорванный мир единой человеческой культуры. Если в классической натурфилософии философия была призвана сформировать единую научную картину мира исходя из некоего философского начала, то в постклассический период развития науки в натурфилософском синтезе, наоборот, уже естественнонаучные, лишённые реального содержания, понятия кладутся в основу философского мировоззрения.*

Ключевые слова: *натурфилософия, культура, эпоха Ренессанса, научная картина мира, философское мировоззрение.*

Вряд ли найдётся российский философ, который был бы не знаком с трудами А.П. Огурцова. Причём, что очень важно, это постижение динамики смыслов философии науки в его интерпретации осуществлялось читателями его работ ещё в студенческие годы как нынешнего поколения «взрослых» философов, так и современного «племени младого и незнакомого». Иначе говоря, открытие «материкового слоя» философии науки для нас во многом связано с именем этого выдающегося учёного. В данном контексте особую значимость приобретает книга «Философ и наука. Александр Павлович Огурцов», вышедшая под редакцией С.С. Неретиной, поскольку именно эта книга, написанная друзьями и соратниками А.П. Огурцова, во многом даёт возможность понять базовые интенции его творчества как мыслителя, исследователя философии и науки, позволяет отличить его авторскую интонацию даже в работах, написанных в соавторстве.

Одной из интереснейших тем, поднятых Александром Павловичем со всей полнотой и оригинальностью ракурса рассмотрения, была проблема взаимоотношения философии и науки в форме философии природы, натурфилософии. «Материковым слоем», базовым основанием (прошу прощения за тавтологичность употребляемого мною термина), позволяющим

проникнуть в загадочную проблематику современной философии науки, является принцип, о котором писала С.С. Неретина: «философия естествознания понята А.П. как рефлексия культуры». Именно с этой методологической позиции следует, на мой взгляд, рассматривать характер взаимоотношений между философией Нового времени и нарождающимся эмпирически-ориентированным, экспериментально-математическим естествознанием [Огурцов 1995].

В философской литературе, традиционно определяя натурфилософию, выделяют в качестве основных два её признака: целостность и умозрение. Действительно, создание систематик мирового природного целого при помощи умозрительно-спекулятивного конструирования характеризует философию природы на любом уровне её развития. Такой подход, несмотря на его традиционность [Гогоцкий 1876: 54] к определению натурфилософии, в определённой степени, оправдан. Последняя (так же, как и современная естественнонаучная картина мира) была той формой, в которую вылилась потребность познающего человека в целостном изучении действительности. Однако, как подчёркивал А.П. Огурцов, натурфилософы классического развития науки исследуют, не природу как таковую, а освоенную человеком природу, являющуюся предметом знания. Отсюда, например, у Гегеля развёртывание научного исследования от абстрактного к конкретному оказывается сущностью развития самой действительности. Таким образом, не природа, а понятие о природе является объектом изучения гегелевской натурфилософии.

Возникновение и противостояние «двух культур» (Ч. Сноу) [Сноу 1973] как показатель духовного кризиса — не есть характеристика разорванного сознания человека именно XX века. Эпоха Нового времени, эпоха становления опытного естествознания и современной парадигмы научного исследования расколола целостную антропоморфную картину Вселенной. Мир человека и мир объективного бытия противопоставляются друг другу, и философия Нового времени начинает активную экспансию на «вражескую территорию», создавая гибридные духовные формы, призванные восстановить целостность утраченного мировоззрения. Натурфилософия была одной из этих гибридных форм — может быть, одной из важнейших. Рассмотренная с социокультурных позиций, натурфилософия предстаёт как феномен, возникающий в результате «раскола» единого поля культуры.

Сам термин «философия природы» употреблялся ещё Сенекой в связи с характеристикой платоновской философии. Вводится же он в общеупотребительный философский лексикон /наряду со своими синонимами: натурфилософия, метафизика природы, спекулятивная физика/ только в XVII–XVIII в.в. Даже невооружённым взглядом видно, что появление и активное функционирование данного термина связано с возникновением особой философской дисциплины, имеющей предметом своего изучения мир природных феноменов. Что же произошло в духовной жизни этого периода времени, если мыслители различных взглядов и устремлений, различного теоретического потенциала почувствовали настоятельную потребность в разработке особой философской дисциплины, исследующей природу?

Появление натурфилософии как особой философской дисциплины со своими специфическими целями, задачами, способом и объектом исследования, было связано, прежде всего, с изменением строения духовной культуры, а именно: с возникновением с неизвестным для предыдущих эпох противостоянием гуманитарных наук и естествознания. Если в теоретических конструкциях мыслителей эпохи Ренессанса были сплавлены воедино эстетически и естественнонаучно подходы к изучению действительности, то XVIII век, век становления физико-математических дисциплин, положил конец антропоморфному изучению природы. Мир точной науки отгородил себя от гуманитарной сферы знания. Уже устав, основанный во Франции в 1666 г. «Академии точных наук» официально запрещал рассмотрение религи-

озных и государственных проблем и призывал свести к минимуму обсуждение философских, исторических и моральных вопросов [Льоцци 1970: 110].

В культуре новоевропейского общества особую значимость получил мир точной науки, где учёный выступает как орудие для добычи истины. В этих условиях естествознание постепенно становится эталоном научного знания и всё более противопоставляется сфере гуманитарной культуры. Поэтому уже в XVIII в. получили всеобщее признание тревожные рассуждения Руссо об отрицательном воздействии науки на человека. Отсюда и гамлетовский вопрос Канта: быть или не быть философии, сможет ли она стать наукой, «научной метафизикой»?

Позитивная часть кантовской философии недаром открывалась натурфилософией /«Метафизические начала естествознания» 1786 г., «Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике» 1798–1803 г.г./ Мыслители Нового времени с помощью натурфилософского системосозидания пытались разрушить стену отчуждения между гуманитарной сферой культуры и бурно прогрессирующим естествознанием.

Что же стояло за этим противостоянием естественнонаучной и гуманитарной сфер культуры, наметившимся в XVII в. и принявшим глобальные размеры в современной культуре в виде сциентистских и антисциентистских тенденций, технократических и антитехнократических утопий, борьбы «физиков» и «лириков» и т. д.? Именно натурфилософия послужила тем троянским конём, который был отправлен философами в стан естествоиспытателей с тем, чтобы преодолеть всё усиливающиеся кризисные явления.

Ключ к пониманию феномена раздробления единой, антропоморфно окрашенной картины универсума, сложившейся в традиционном обществе, и определения в качестве объекта познания сферы объективно безличностных связей, лежит в расщеплении целостного процесса человеческой деятельности. В отечественной литературе уже отмечалось, что выделение в качестве предмета познания мира объективных, независимых от человека связей и отношений является, в первую очередь, результатом становления массового машинного производства и порождаемого им мира вещных, внечеловеческих отношений. Природа как некая целостность независимых от нашего сознания феноменов хоть и существовала всегда в качестве объективной реальности, но стала предметом изучения как физическая реальность только с появлением вещной деятельности и соответствующей ей системы безличностных связей рыночной экономики. Любопытно, что первые формы организации науки Нового времени были весьма точным слепком отношений, складывающихся в процессе индустриального производства. Например, устав итальянской «Академии опытов» /1657 г./, по образцу которой замыслились Парижская и Английская Академии, предписывал полную анонимность авторства, любое открытие, суждение, опыт принадлежали Академии, организации, а не тому или иному учёному. Учёный представлен в «Академии опытов» как орудие познавательного процесса, лишённое всяких субъективных характеристик. При этом продукт его труда /научное знание/ выступает на рынке интеллектуальных ценностей в столь же обезличенной форме, как и материальный продукт на товарном рынке. Недаром некоторые интеллигенты-гуманитарии стали отвергать науку, отождествляющую себя, как им небезосновательно казалось, с массовым машинным производством и всем тем, что ему сопутствовало [Бернал 1956: 312].

Мощное воздействие становящегося естествознания ощущалось всеми передовыми мыслителями Нового времени. Естественнонаучный способ познания действительности и связанное с ним определённое объективистское понимание человека требовали от философов пересмотра традиционной философской проблематики. Естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало её. Философия же, оставаясь по сути своей антропоцентричной, была «ответственна» за производство человека как сво-

бодного, целеполагающего существа. Две стороны общественного разделения труда — целеполагающая и предметно-преобразующая — были доведены до состояния не только противостояния, но и противоборства.

Оказалось, что возникшее в Новое время общество нуждается в культуре лишь в узких границах утилитаристского подхода к человеку как к одному из необходимых компонентов функционирования экономической и политической машины. Две культуры — гуманитарная и естественнонаучная — не могли в этих условиях не противостоять друг другу. Разорванность бытия общественного человека продуцировала разорванность, несовместность различных сфер человеческих культур.

Философы-гуманисты самых различных школ и направлений эпохи становления индустриального общества пытались объединить гуманитарное и естественнонаучное знание в единое целое, стремясь доказать совместимость естественнонаучного мира обезличенных вещей и процессов и духовного мира человека. Ведь одной из посылок классической философии является то, что «космическая организация, мировой порядок не мыслились в качестве чего-то антитетичного по отношению к всеобщим формам человеческой деятельности. Напротив, предполагалась своего рода изначальная тайная соотнесённость космического порядка с этими всеобщими формами» [Мамардашвили, Соловьёв, Швырёв 1972: 38].

Натурфилософы в своих систематиках, признавая вслед за естествознанием законосообразный и независимый от человека ход природных процессов, пытались доказать, что результаты исследования объективного мира, отражённые в естественных науках, совпадают в конечном счёте с сущностными характеристиками процесса развития человека как духовного существа. Две сферы культуры, абстрактно-всеобщее и конкретно-индивидуальное, природа и человек, естествознание и философия — объединялись в рамках целостного натурфилософского воззрения. Весьма симптоматично, что Гегель на закате классической натурфилософии упрекал естествоиспытателей в том, что, исследуя природу, они отвлекаются от своего «я» и противопоставляют тем самым субъект познания объекту, тогда как, по его убеждению, целостный подход предполагает рассмотрение внешнего мира в соотнесённости с чувственностью человека. Отсюда и попытка Гегеля вывести природные стихии из человеческих чувств [Гегель 1975: 42], критика физической оптики Ньютона и принятие теории цвета Гете [Там же: 260–291]. Гегель ставит перед натурфилософией задачу снять односторонность естественнонаучного взгляда на действительность, соединить человеческую субъективность с объективным познанием природы. Внутренний мир человека и внешний мир учёного должны объединиться в рамках цельного натурфилософского видения мира. Главную же задачу своих лекций по натурфилософии Гегель видел в том, чтобы «... дать изображение природы с тем, чтобы одолеть этого Протея, найти в этом внешнем бытии лишь зеркало нас самих, увидеть в природе свободное отражение духа...» [Там же 1975: 579]. Гегель «бунтует» здесь против зарождающегося позитивистского взгляда на человека как на вещь в мире других вещей. Назначение натурфилософии в том и состоит, что «...она-то и снимает разъединение... природы и духа и даёт возможность утвердить свою сущность природе» [Там же: 25].

Таким образом, рассматривая природу и дух, Гегель в действительности исследует естественнонаучное и гуманитарное знание как отражение вещной и творчески активной целеполагающей деятельности. Объединение природы и духа в его натурфилософии означало возвращение человеческой культуре её первоизданной полноты и цельности. Противостояние философии и естествознания /и стоящее за ним реальное противостояние «двух культур»/ снимается в рамках целостного натурфилософского воззрения.

Настоятельная необходимость такого рода синтеза осознаётся всеми ведущими представителями философской мысли XVIII в. В это время возникают натурфилософские системы метафизического материализма /«Система природы» Гольбаха, 1770 г./, субъективного идеа-

лизма /«Метафизические начала естествознания» Канта, 1786 г./, объективного идеализма /«Идеи философии природы» Шеллинга, 1797 г./ . При этом выделяются два противоположных полюса, между которыми и произрастает всё теоретического многоцветье натурфилософского системосозидания. С одной стороны, человек объявляется частью природного мира и подчиняется, как и все материальные объекты, законам классической механики, а с другой стороны, природный мир одушевляется, наделяется субъективными характеристиками человеческой личности. И в том, и в другом случаях по-своему решается проблема воссоединения гуманитарной и естественнонаучной культур. Целостность культуры сохраняется здесь за счёт гиперболизации деятельно-разумного, свободного отношения человека к действительности. Современные исследователи отмечали, что Кант превращал природу в некое вселенское воплощение личности философа-эпистемолога, для Фихте Вселенная была универсальной проекцией и олицетворением личности теоретика-моралиста, романтики и Шеллинг рассматривали природу в качестве некоего всекосмического воплощения фигуры гениального художника-романтика, обладателя уникальных способностей, творческой фантазии, воображения, интуитивного проникновения в противоречивую сущность вещей.

В середине XIX столетия под напором развивающегося естествознания рушатся величественные умозрительные построения немецкой классической натурфилософии. Учёные торжественно предают анафеме «шеллинговско-гегелевский бред», «натурфилософскую эпидемию безумия», «сумасшедший дом немецкой метафизики». Известные естествоиспытатели наперебой каются в натурфилософских прегрешениях своей юности. «И я пережил этот период, — восклицает Либих /выдающийся химик-органик/, — столь богатый словами и идеями, столь бедный истинным знанием и основательным изучением; он стоил мне двух лет моей жизни; не могу описать ужаса и отвращения, испытанных мною, когда я очнулся от этого опьянения» [Оствальд 1903: 4]. Казалось, натурфилософия умерла, похоронена, в её могилу воткнут осиновый кол проклятий «обманутых» учёных и говорить о ней можно только как об историческом курьёзе.

Но проходит не столь уж много времени, и Ф. Энгельс отмечает, что натурфилософские системы возникают в Германии как «грибы после дождя». Натурфилософский способ мышления оказался удивительно живучим, и модная наукообразная терминология не могла скрыть этого. Данный факт с некоторым недоумением зафиксировал В. Виндельбанд: «Нынешняя натурфилософия и натурфилософия начала XIX века говорят на совершенно различных языках, но то, что они говорят, может быть, не так уже различно» [Виндельбанд 1908: 275].

Правда, сами активные участники движения натурфилософского ренессанса в один голос отмежевываются от классической натурфилософии. Им кажется несомненным факт коренного различия между старой философией природы и их системами. В чём причины данного явления?

Противоречие между гуманитарной и естественнонаучной сферами духовной культуры достигает во 2-ой половине XIX века антиномичной остроты. Со стороны учёных-естественников наблюдался явный рост интереса к человекознанию, и, в то же время, катастрофическое падение престижа флагмана гуманитарного знания — философии. Естествознание решительно отвергало союз с философией в форме натурфилософского диктата. Яркие заманчивые одежды философии природы растаяли, словно мираж. Позитивизм, этот троянский конь метафизики, стремился, выдвинув заманчивый лозунг «Наука — сама себе философия!», завоевать доверие учёных. По всему бесчисленному множеству работ различных авторов кочевал, не находя своего разрешения, всё тот же «вечный» вопрос: как соединить гуманитарную и естественнонаучную составляющие культуры? Натурфилософия пыталась приспособиться к новым условиям. Она, так же как и позитивизм, стала рекламировать

себя как единственно возможный способ самосознания человека. «Философия природы есть естествознание, перешагнувшее за пределы своей собственной задачи и превратившее себя в усилие самопознания» [Липпис 1914: 231]. Новая натурфилософия выдавала себя за научное мировоззрение, созданное научными средствами и не выходящее за рамки научного мышления. Она, в соответствии с духом времени, изменила терминологическую окраску. Так, В. Оствальд, один из немногих рискнувших открыто выступить под флагом натурфилософии, претендовал, по его словам, только на то, что воздвигнет «...здание, строение и внутреннее расположение которого указывали бы на умственный кругозор и способ мышления, вытекающие из наших ежедневных занятий с определёнными группами явлений» [Оствальд 1903: 6]. При помощи философии природы учёный пытался ответить на те вопросы, с которыми он сталкивался в процессе своей профессиональной деятельности. Во-первых, это гносеологические проблемы, во-вторых — морально-этические. В соответствии с этим его натурфилософия распадается на две части: в одной разрабатывается теория познания, в другой — собственно натурфилософия, пытающаяся обосновать положение человека в системе универсума. «Энергетическое мирозерцание» В. Оствальда, в отличие от старой натурфилософии, ставит себе высшей задачей не просто отобразить целостную картину действительности, а показать в ней место и роль человека. Практически любой представитель постклассической натурфилософии видит основную цель исследования именно в этом.

Субъективно мыслители считали, что новая философия природы, опирающаяся на строго научное знание, коренным образом отличается от умозрительных построений Шеллинга или Гегеля. Они не замечали, что в действительности повторяют апробированные классической натурфилософией ходы мышления. Механизм натурфилософствования остался прежним: выведение системы мира из универсального абсолютного начала. Ореол научности философии природы придавало использование в качестве мирообъемлющих уже не чисто философских принципов /типа «мировой души» Шеллинга, или «абсолютного духа» Гегеля/, а каких-либо естественнонаучных положений. Практически любая бурно прогрессирующая область естествознания конца XIX–XX веков «утилизировалась» натурфилософами в этих целях. Так, Оствальд в качестве основы для своих рассуждений взял первое и второе начала термодинамики. Итак, поскольку теоретическое естествознание XIX–XX веков само, своими средствами, могло создать единую модель вселенной, натурфилософия была вынуждена функционально переориентироваться. Теперь её основной задачей стало изучение человека: мыслители пытались в форме натурфилософии «научно» изложить своё мировоззрение. Представитель гуманистического направления в этике А. Швейцер с тревогой писал: «Пытаюсь обрести основу в натурфилософии с тем, чтобы создать властно требуемое временем этическое мировоззрение, этика так или иначе оказывается на краю гибели. ...солнце этики нашего поколения заволкло тяжёлыми тучами. Чёрной тучей надвинулась натурфилософия» [Швейцер 1993: 445].

Таким образом, в ходе анализа выяснилось, что, объединяя философское и естественнонаучное знание, мир человека и мир природы в рамках целостного натурфилософского воззрения, мыслители Нового времени в теоретической сфере пытались преодолеть реальный раскол культуры, разделение деятельности человека на вещную и творчески-активную, целеполагающую. Классическая натурфилософия решала эту задачу, создавая картину мирового целого на основе абсолютного философского начала. Постклассическая натурфилософия дедуцирует систематику природы из единого первоначального принципа, заимствованного, как правило, из сферы естественнонаучного знания.

И в том, и в другом случае гармонизация универсума и культуры достигается за счёт гипостазирования какой-либо профессионально-ограниченной деятельности интеллектуала, превращаемой в сущность развития мирового целого. В результате натурфилософия,

рассмотренная с социокультурных позиций, предстаёт как феномен, в специфической форме отражающий рефлексивные устремления мыслителей, их стремление сломать «клетку» профессионально ограниченной деятельности, преодолеть возникающий в культуре Нового времени кризис и раскол.

Бернал Дж. 1956. *Наука в истории общества*. — М.: Изд-во иностранной литературы.

Виндельбанд В. 1908. *История новой философии*. Т. 2. — СПб.: Издание Спб. Акционерного Общества «Издатель».

Мамардашвили М.К., Соловьёв Э.Ю., Швырёв В.С. 1972. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. — *Философия в современном мире. Философия и наука*. — М.: Наука.

Гегель Г.В.Ф. 1975. *Энциклопедия философских наук*. Т. 2. *Философия природы*. — М.: Мысль.

Гогоцкий С.С. 1876. *Философский словарь*. — Киев.

Липпс Т. 1914. *Философия природы*. — М.: Современные проблемы.

Льоцци М. 1970. *История физики*. — М.: Мир.

Огурцов А.П. 1995. *От натурфилософии к теории науки*. — М.: РАН Институт философии.

Оствальд В. 1903. *Философия природы*. — СПб.: Брокгауз-Ефронь.

Сноу Ч. 1973. *Две культуры*. — М.: Изд-во «Прогресс».

Швейцер А. 1993. Культура и этика. — *Упадок и возрождение культуры. Избранное*. — М.: Прометей.